

ТОЧКА ВОЗВРАТА

ОЛЕГ РЫЧКОВ

18+

Олег Рычков

Точка возврата

«Автор»

2026

Рычков О.

Точка возврата / О. Рычков — «Автор», 2026

Конфликт между биологической природой человека (эмоции, страх, привязанность, способность к иррациональному подвигу) и холодной эффективностью искусственного интеллекта. Роман исследует вопрос: останется ли место человеку в кабине истребителя будущего, если машина всегда быстрее и точнее, и какую цену платит общество за создание идеальных солдат.

© Рычков О., 2026

© Автор, 2026

Олег Рычков

Точка возврата

Точка возврата

ЧАСТЬ 1

ПОЛЮС ТИШИНЫ

ГЛАВА 1

Высотомер медленно отсчитывает одиннадцать тысяч метров. За стеклом фонаря — чернильная бездна стратосферы, где звезды кажутся острыми иглами, способными проткнуть скафандр. Температура снаружи — минус шестьдесят два градуса по Цельсию. Внутри моей скорлупки, сваренной из титана и углепластика, поддерживаются комфортные двадцать один. Климат-контроль тихо гудит за правым плечом, гоняя сухой кислород. Я дышу запахом собственного пота, нагретой электроники и едва уловимым привкусом озона.

Я — продолжение этой машины. Не человек в кресле, а нервная система планера.

Пальцы левой руки в перчатке машинально поглаживают сектор газа. Движения минимальны — миллиметры тяги, доли градусов рулей высоты. Мы висим на скорости в двести километров в час над Карским морем, удерживая машину исключительно на кромке срыва. Инверсионный след отсутствует. Для радаров внизу нас просто нет. Только холодный кусок железа, маскирующийся под метеорологический зонд.

— Ворон, статус? — голос Сереги «Орла» прорывается сквозь треск помех. Он держится справа-снизу, повторяя мой профиль снижения до микрона. Его машина тяжелее моей на четыреста килограммов из-за дополнительного бака, и это дает мне преимущество в разнице инерции.

— Чисто, — отзываюсь я. Голос в маске шлема всегда звучит чужим, придавленным. —

До

точки разворота три минуты. Магнитная буря усиливается, готовь коррекцию инерци-
алки.

Где-то там, глубоко под нами, под толщей льда ползет наша подводная лодка. Наша единственная защита северного фланга. А прямо сейчас ее акустикам мешает наш собственный фоновый шум. Мы должны быть тише призраков.

Правый двигатель внезапно меняет тональность. Легкая вибрация проходит по педалям и отзывается тупой болью в пояснице — привет от компрессионного перелома трехлетней давности, о котором знает только моя медкарта. На стекле шлема вспыхивает бледно-желтый транспарант: *«Перегрев подшипника вентилятора. Критический износ»*.

Машина стареет вместе со мной.

— Ворон, ловишь? У тебя искрит правый сопл... — начинает Орел, но осекается. Мы оба знаем регламент. Докладывать нельзя. Любая передача в эфир демаскирует группу. Если подшипник рассыплется, лопадки турбины превратят мою правую плоскость в решето, и катапульта выстрелит меня прямо в ледяной ад океана. Спасательный плот продержится в такой воде минут семь.

Я плавно, почти нежно, перевожу РУС на себя, гася скорость еще сильнее. Теперь мы падаем вертикально, камнем. Единственная надежда — дать двигателю отдохнуть на отрицательных перегрузках. Земля далеко. Очень далеко. Спокойно, железо. Еще пять минут. Просто не ломайся.

Желтая надпись на визоре пульсирует в такт сердцу. *«Перегрев подшипника»*. Я убираю тягу правого двигателя до сорока процентов. Машина вздрагивает, протестующе завывая турбиной, но вибрация в педалях стихает. Теперь мы ковыляем на честном слове и левом

моторе.

— Центр, я — Ворон. У меня птичка чихает сажей, — говорю я в маску. Голос ровный, почти скучающий. Эфир должен слышать уверенного бога, а не человека, чья жизнь держится на миллиметровой пленке смазки. — Прошу вектор домой. Правый держит холостые, больше не дам.

Земля отвечает не сразу. Помехи от магнитной бури жрут слова. — Ворон... слышим вас...

тяга... параметры? — сквозь белый шум пробивается голос руководителя полетов, полковника Зимина. Старый волк. Он знает этот тон. Знает, что «чихает сажей» означает «сейчас рванет». — Левая девяносто, правая сорок. Температура за красной. Иду на брюхе, потолок три тысячи. Если форсажну — останусь без хвоста. — Понял тебя, Громовержец (*позывной командного пункта*). Снижайся до тысячи. Курс двести сорок.

Под тобой сейчас Кильдин, полоса свободна. Спасатель уже греет двигатели. Тащи ее аккуратно.

Тысяча метров. Воздух становится плотным, осязаемым. Мы проваливаемся из стратосферы в обычную погоду. За стеклом вместо черного бархата космоса появляется тяжелая свинцовая пелена облаков. Самолет начинает мелко трясти — это вступила в игру

турбулентность нижних слоев. Для здоровой машины это щекотка. Для моей инвалиды

—

пытка. Каждый удар воздуха по крыльям отдается в сломанном позвоночнике. Я чувствую

каждый титановый винт там, внутри, под кожей.

— Орел, — вызываю ведомого. Горло пересохло. — Держись левее на пятьдесят. Если меня заклинит, идешь прямо на базу, доклад через резервный канал. Меня нет. — Не дури, командир, — Серега дышит тяжело, он повторяет мой маневр снижения, его машина идет как привязанная. — Я твой щит. Скажешь прыгать — пойдешь первым, я прикрою купол. Хороший мальчик. Глупый, но верный. Именно поэтому они всегда сгорают первыми. Те, кто пытается быть героем для своего ведущего.

Внизу показывается черная вода, исполосованная белыми барашками. Северный ветер съедает любой ориентир. На секунду мне кажется, что это не море, а та самая посадочная площадка в джунглях, куда я падал год назад. Мозг путает холод с влажным жаром. Там внизу тоже была смерть, только зеленая и склизкая. Здесь она чистая, стерильная, цвета обмороженной стали.

Кильдин выныривает из тумана внезапно — серый бетон среди черной воды. Полоса «подскока». Короткая, издевательски короткая для моего веса. Выпускаю шасси.

Гидравлика воет натужно, сопротивляясь обледенению. Носовые стойки выходят с третьей

попытки. Закрылки ползут вниз со скоростью умирающей черепахи.

— Штурвал на себя, Максим Сергеевич, — говорит полковник Зимин так тихо, будто сидит

в задней кабине. — Аккуратно. Касание на триста пятидесяти. И тормозите головой, движки вам сейчас не помощники.

Я перевожу машину в глиссаду. Земля несется навстречу. Серая сталь воды сменяется серыми плитами бетона. Скорость падает мучительно медленно. Три сотни. Двести восемьдесят. Боковой ветер бьет в левый борт, пытаюсь развернуть меня поперек полосы. Я работаю ногами, гася скольжение. Педали тяжелые, словно залиты свинцом. Колени хрустят.

Удар. Жесткий, выбивающий пробой. Передняя стойка принимает на себя двадцать тонн

металла. Меня бросает вперед, ремни врезаются в плечи. Тормоза. ПИКАНЬЕ системы предупреждения о перегрузке колес сливается с гулом в ушах. Парашют выпускать нельзя — порыв ветра просто разорвет мою старую птичку пополам. Только аэродинамическое торможение. РУС полностью на себя. Самолет ревет, скрипит шинами по мокрому бетону, замедляясь. Огни конца полосы летят на нас слишком быстро. Впереди — обрыв и камни.

Мы останавливаемся в десяти метрах от торцевой сетки. Тишина. Только шипение остывающего металла и мое собственное дыхание, похожее на работу неисправного компрессора. Лоб под шлемом залит потом. Руки дрожат. Мелко, противно, предательски.

Этого никто не увидит, пока я в перчатках.

— Ворон на земле, — хриплю я. — Целы. — Принял, — голос Зимина теплеет ровно на градус. — Сидите в кабине. Сейчас откроют фонарь. Медики уже бегут.

Ручка сдвижения фонаря не поддается с первого раза. Пальцы не слушаются. Наконец, гидравлика с жалобным вздохом отбрасывает колпак назад. В кабину врывается ледяной воздух Арктики. Он пахнет йодом, озоном и свободой. Той самой свободой, которая чуть не убила меня десять минут назад.

Ко мне бежит техник, размахивая желтыми рукавицами. Следом, тяжело бухая берцами по лужам, спешит группа поиска. Но я смотрю не на них. Я смотрю вверх. Звезды снова закрывают рваные края облаков. Там, на высоте одиннадцати тысяч, было спокойно. Там всё решала математика и реакция. А здесь, на бетоне, начинается человеческая грязь.

Разбор полетов. Объяснительные. Вопросы особиста: «Максим Сергеевич, почему скрыли

дефект при предполетном осмотре? Почему не ушли на основной аэродром?» Они думают, дело в самолете. Они всегда думают, что дело в железе. Но правый двигатель сгорел не от старости. Его подпалили мои воспоминания. Как только мы снизились и запах

моря стал резче, мозг услужливо подсунил картинку: дым из левого сопла самолета Орла перед тем, как ракета противника вошла ему точно в сопловой аппарат. Мой организм решил сэкономить ресурс сердца и начал отключать периферию заранее.

— Командир, руку давай, — техник тянет ко мне свою огромную варежку. — Замерзнете же. Я отталкиваю его. Отстегиваю кислородную маску. Резина липнет к влажной коже. — Где Орлов? — спрашиваю я, глядя мимо него в сторону команднодиспетчерского пункта.

Техник мнетяся. Смотрит на свои ботинки. — Так он... Сергей Дмитрич еще в воздухе был, товарищ майор. Вас вел. Ему команду дали уходить на Мурманск, топливо-то... Значит, Серега все еще там. Круги нарезает. Охраняет пустое небо надо мной, потому что приказа возвращаться у него нет. Хороший, глупый, мертвый материал. Система выпьет его досуха

точно так же, как сейчас пыталась выпить меня.

Я вылезаю из кабины на крыло. Ноги подкашиваются. Двадцать тонн жизни остались позади, а мои собственные семьдесят килограммов кажутся непосильной ношей. Кто-то набрасывает мне на плечи термоодеяло. Оно пахнет казармой и чужим нестиранным бельем. Я стою посреди взлетной полосы самого края земли, прижимая к груди кусок синтетики, и впервые за долгое время понимаю одну простую вещь: я ненавижу возвращаться.

Медблок я покинул через двадцать минут. Самостоятельно. Врач хотел было оставить меня на сутки под капельницей с физраствором, но одного взгляда на мое лицо хватило, чтобы он молча подписал освобождение. У нас у всех один диагноз — небо головного мозга. Лечению не подлежит.

В модуль тактической группы я захожу ровно в 03:14. За пластиковым окном модуля воеет поземка. Внутри пахнет озоном от работающих серверов, остывшим кофе и бумажной пылью. Мой штурман, капитан Лешка Кротов, спит прямо на картах СМП (северного морского пути), положив голову на сложенные ладони. На экране его планшета застыла зеленая точка моего борта. Он посадил меня вслепую по приборам, пока сам чуть не словил разрыв барабанных перепонки от моих перегрузок. Я не бужу его. Просто сажусь в свое кресло перед терминалом объективного контроля.

Су-57М пишет всё. Каждую миллисекунду. Температуру масла в подшипнике номер три за

полторы минуты до отказа. Угол отклонения рулей при посадке. Частоту моего пульса. Я надеваю наушники, вставляю чип-карту в слот и запускаю визуализацию. Кабина появляется вокруг меня в виртуальном пространстве. Вот он я, сорок минут назад. Спокойный, как гранитный истукан. Руки лежат на РУС идеально симметрично. Но программа анализа данных безжалостна. Она подсвечивает желтым мои микродвижения. Тремор правой кисти. Задержка реакции на 0,12 секунды при крене. Организм начал убивать машину еще до того, как металл устал. — Ворон все-таки дотащил ее, — голос Орлова звучит из-за спины хрипло. Серега стоит в проходе, привалившись плечом к косяку. Его летный комбинезон расстегнут до пупа, волосы стоят дыбом — шлем снял только что. Он выглядит так, будто это его самолет сейчас чинили кувалдой на стоянке. — Диспетчеры сказали, ты шел на глиссаде с вертикальной скоростью десантника. Думали, шасси оставишь в полосе. — Почти оставил, — я не оборачиваюсь, продолжая смотреть на график падения давления. — Какого черта ты не ушел на Мурманск? Тебе был прямой приказ РП. — Приказ РП мне дышать не запрещает, — он подходит ближе, тяжело падает

в кресло второго пилота-инструктора. Кресло жалобно скрипит под его весом. — Топливо жег. Ходил «восьмерками» над точкой. Если бы твой правый встал окончательно и катапульта дала осечку... ну, хоть тело нашли бы сразу, а не весной. Льды тут толстые. Он говорит это буднично, словно о прогнозе погоды. Это бесит больше всего. То, как легко они готовы списать себя в расход ради красивой цифры в отчете о спасении командира звена. — Ты идиот, Сережа, — говорю я тихо. — Завтра тебя переведут в вечные ведомые.

Или вообще спишут в БАО (*батальон аэродромного обслуживания*). Нарушение боевого распоряжения. — Пусть пишут, — он машет рукой. — Мне без твоего хвоста в небе делать

ничего. Кто еще будет гасить скорость до скорости пешехода, когда у него горит задница? Он пытается шутить, разрядить обстановку. Но я вижу, как дергается жилка у него на шее.

Ему страшно. Не тогда, в воздухе, когда он прикрывал мой дымный шлейф. А сейчас. Страшно возвращаться одному в пустую квартиру на территории базы, где стены давят сильнее облаков.

Дверь модуля открывается без стука. Резко, рывком. На пороге стоит полковник Зимин. Лицо цвета асфальта, глаза красные. Следом входят двое в серых гражданских пальто, которые выглядят на военной базе как инородные органы. От них пахнет Домодедово, кондиционером для белья и властью. Один из них достает удостоверение. Красная книжечка раскрывается на долю секунды. Главное управление Генерального штаба.

Инспекция боеготовности. — Майор Воронцов? — спрашивает тот, что моложе. Голос лишен интонаций. — Так точно. — Пройдемте. Полковник, вы тоже. И принесите полет-

карты погибшего капитана Орлова. — Капитан Орлов жив, товарищ генерал-лейтенант, —
вмешивается Зимин, становясь между столом и проверяющими. Живой щит. — Машина потеряна, пилот на месте. Генерал даже не смотрит на Зимина. Его взгляд прикован к моему монитору. К графику вибрации правого двигателя. — Мы знаем, майор, — говорит

он. — Мы смотрели телеметрию в реальном времени. Вы приняли решение продолжать полет на неисправном двигателе, имея прямую угрозу разрушения планера. Почему не покинули борт? Вопрос сформулирован идеально. Это не забота о моей жизни. Это протокол статьи УК РФ о нарушении правил полетов, повлекшем утрату дорогостоящей боевой единицы. Если бы я прыгнул — я сохранил бы жизнь, но отдал под трибунал всю цепочку техников, готовивших борт, и подставил Зимина. Если остался — рисковал собой, но машина упала на контролируемой территории. Выбор мясника. — Характер местности

внизу исключал выживание пилота при катапультировании, — чеканю я, поворачиваясь к

нему лицом. — Температура воды минус два градуса. Время прибытия спасательной группы превышало предел гипотермии. Оставление исправной левой силовой установки посчитал неоправданным риском потери матчасти. — Исправной? — генерал приподнимает бровь. Один из людей в пальто быстро листает планшет, который ему передал Кротов.

— Согласно данным завода-изготовителя, серия подшипников ВК-489, установленных на

вашей машине, имела производственный дефект уплотнения. О чем вас уведомляли бюллетенем месяц назад. Почему борт не поставили на регламент? А вот и оно. Началось. Переквалификация из героев в козлов отпущения. Завод бракованный, деньги сэкономили, крайним сделают того, кто последним подписывал журнал подготовки. — Бюллетень пришел в электронном виде, — отвечаю я. — Прямо во время предполетной подготовки. Для замены узла требовался демонтаж двигателя, запчасть должна была прийти спецрейсом через трое суток. Командир полка принял решение использовать имеющийся ресурс до выработки часов. Под мою ответственность. Я перевожу взгляд на Зимина. Старый волк медленно кивает. Он берет вину на себя. Генерал удовлетворенно складывает руки на животе. — Хорошо, майор. Патриотично. Накроем ваши тела звездами

Героев. Посмертно. Потому что завтра утром оба этих борта — ваш и ведомого — должны

быть в небе. Конфликт переходит в активную фазу. Людей нет. Машин нет. Летайте на том, что дают. Свободны. Он разворачивается и выходит. Люди в пальто семят за ним. Зимин остается. Подходит к столу, наливает себе воды из графина. Рука у него дрожит, вода льется мимо стакана. — Максим, — говорит он, не глядя на меня. — Я написал в рапорте, что приказал вам следовать на базу любой ценой. Что двигатель вышел из строя внезапно.

— Я подтверждаю, — киваю я. — Они заберут Серегу, — продолжает полковник глухо. — Эта

инспекция приехала не технику считать. Им нужны показательные чистки. Молодой, горячий, нарушил приказ спасти командира... Идеальный кандидат на размен. Чтобы

заводской брак не всплыл наверх. Его сошлют охранять склады с тушенкой на Новой Земле. Карьере конец. — Я поговорю с ними, — произношу я. — Ты их слышал, — Зимин

наконец поднимает глаза. В них плещется старое, мутное отчаяние. — Им плевать на твои

разговоры. Но если завтра утром ты выведешь свою машину в зону первыми, покажете этим гражданским павлинам высший пилотаж на форсаже... они напишут в отчете «высокий моральный дух». И забудут про Орлова. Дай им зрелище, Максим. Иначе сожрут обоих.

Он уходит, оставив меня наедине с запахом остывшего пластика и осознанием простой истины: мы здесь не Родину защищаем. Мы просто декорации в чужом театре теней. И моя главная задача — сделать так, чтобы декорация под названием «Сергей Орлов» не исчезла со сцены после первого акта.

Я снова надеваю наушники. Запускаю запись последних секунд перед отказом.

Увеличение. Еще. Тепловизор. На границе спектра, там, где глаз уже ничего не видит, датчик зафиксировал короткую вспышку ИК-излучения. Мгновенную. Словно снизу, сквозь толщу облаков, по нам мазнули невидимым лучом. Подшипник не рассыпался от старости. Его подожгли. Изящно, хирургически точно. Лазерным дальномером подсветки

цели или новым типом помехового боеприпаса. Меня сбили не законы физики. Меня выбили из игры точечным ударом. И теперь те, кто это сделал, ждут, что я выйду в то же самое небо завтра утром, делая вид, что ничего не произошло.

Глава 2

Бумага всегда пахнет одинаково — пылью, застарелым клеем ПВА и безысходностью дешевого казенного картона. В штабе группировки этот запах смешивается с сухим, стерильным озоном работающих на износ электрических обогревателей. Воздух здесь настолько пересушен статикой, что искра проскакивает между пальцами и металлической

ручкой двери, если не надеть перчатки.

Я сижу перед столом полковника Зимина уже сорок минут. Точнее, я существую в пространстве кабинета как предмет мебели. Между нами лежит бортовой самописец моего борта — черный цилиндр из титанового сплава, покрытый жирной копотью. Он еще

теплый после проявки магнитной ленты. Рядом высится стопка рапортов высотой с кирпич. Верхний бланк — «Форма № 8-ЧС» — девственно чист, если не считать моей размашистой подписи внизу. Я подписал признание в преступлении, которого не совершал. Формально.

— Объясни мне вот это, Максим, — Зимин подвигает ко мне через стол распечатку телеметрии формата А3. Его палец, сухой, желтый от никотина и испещренный мелкими шрамами от сорванных заклепок, упирается в график вибрации правого двигателя.

Линия

выглядит как кардиограмма умирающего. Резкий, рваный пик вверх, где амплитуда зашкаливает за пределы шкалы датчика. — Тридцать секунд пляски святого Витта перед тем, как посыпались лопатки турбины высокого давления.

И ни одного сигнала на пульт ГРАНИТа до самого момента разрушения сепаратора. Как ты

это объяснишь комиссии?

За обитой дерматином дверью кабинета слышны голоса. Резкие, лающие интонации людей, которые знают о температуре металла только по цифрам в справочниках ГОСТ. Инспекция Генштаба. Те двое в серых драповых пальто, от которых несло Домодедово даже на минус тридцати. Они приехали не искать истину. Им нужен козел отпущения, чтобы списать миллиардные хищения на авиазаводе под Иркутском. Моя шея кажется им

самым удобным местом для установки таблички «Виновен».

— Скажу правду, товарищ полковник, — отвечаю я. Голос звучит хрипло. За последние сутки я выпил два глотка воды. — Подшипник номер три рассыпался в пыль. Заклинило игольчатый ряд. Масло выгнало центробежной силой. — Правду они слушать не будут,

Зимин тяжело опирается локтями на столешницу. Столешница старая, советская, вся в кругах от горячих кружек с цикорием, похожая на топографическую

карту лунных кратеров. — Правда стоит миллиарда рублей списанной матчасти плюс заводской скандал уровня Совбеза. Правда означает, что мы третий год принимаем на вооружение бракованное железо, потому что какой-то мудака в Москве сэкономил на тендере, выбрав подшипники из порошкового латуни вместо каленой стали. Им нужен виновный. Тот, кто дергал ручку. Тот, кто поставил закорючку в журнале подготовки к вылету. Это твоя закорючка, майор. — Пусть пишут НСС (*неполное служебное соответствие*). Лишат тринадцатой зарплаты. Мне плевать на деньги, — я смотрю на свои руки. Кожа на костяшках пальцев содрана о фонарь кабины, раны подсохли и потрескались. — Машину жалко. Хорошая была птичка. Умнее многих штабных. — Угробил ее ты! — Зимин бьет кулаком по столу так, что пустой граненый стакан подпрыгивает и звенит. — Когда решил изображать камикадзе над открытой водой вме-

сто

того, чтобы рвать рычаг! У тебя был запас высоты! Ты видел температуру подшипника за минуту до отказа! Красным горело, мать твою! Почему не рванул ручку?!

Вопрос закономерный. Логичный. Любой курсант летного училища знает алгоритм: отказ

критического узла — немедленная остановка двигателя — экстренное снижение — катапультирование при невозможности дотянуть до полосы. Но алгоритмы пишутся людьми, которые никогда не сидели в кресле, когда океан внизу превращается в мясорубку. Потому что подо мной была вода. Не лед, который можно пробить титановой стойкой шасси, а черная, вязкая жижа Карского моря. Температура поверхности —

минус

два градуса по Цельсию. Время комфортного выживания человека в такой воде без гидрокостюма — от трех до семи минут. Гипотермия убивает быстрее, чем взрыв порохового заряда стреляющей ручки катапульты К-36ДМ. Серега Орлов шел за мной с остатком топлива «на соплях». Если бы он остался меня барражировать в темноте, ожи-

дая

всплытия кресла, его движок хлебнул бы керосинового голодания, и мы легли бы на дно вдвоем. Но эти аргументы звучат как оправдания пьяного матроса. Устав их не предусматривает.

— Не успел оценить риски развития ситуации, товарищ полковник, — говорю я уставным языком, глядя ровно ему в переносицу. — Приоритет отдал спасению материальной части

согласно пункту 4.2 инструкции экипажу. Зимин долго смотрит на меня. Взгляд старого кадровика, который похоронил больше народу, чем патологоанатом окружного госпиталя.

Он видит мою ложь насквозь, рентгеном просвечивая черепную коробку, но молчит. Ему тоже есть что терять. — Матчасть... — он усмехается углом рта, отчего глубокая складка у носа становится похожа на шрам от ножа. — Ладно. С этим понятно. Герой хренов. Живи пока. А теперь скажи мне другое. Что это? — Он достает из красной папки второй лист.

Фотография со спутника. Черно-белая, зернистая, плохого разрешения. На ней мой силуэт

— маленькая белая запятая в небе. И след от маневра уклонения. Ломаный зигзаг, невозможный для патрульного полета. — Вот этот пируэт. Координаты шестьдесят девять двадцать, долгота пятьдесят восемь десять. Ты заложил восемь единиц положительной перегрузки там, где шел чистый воздух. Радары НАТО были в ста километрах к весту. Оптических искажений атмосферы метеоспутник не зафиксировал. Тебе просто показалось, что в тебя летит ракета класса «воздух-воздух», да? Галлюцинация от гипоксии мозга?

Я смотрю на ломаную линию своего маршрута. Со стороны это выглядит красиво. Идеальный противоракетный вираж «ухудшение захвата». Но я помню то состояние. Помню холодный пот, выступивший на спине под комбинезоном за секунду до маневра. Запах озона во рту, хотя маски не было. И абсолютную, животную уверенность, что справа-сверху на нас падает смерть. — Магнитная аномалия, — говорю я. — Блик от торосов дал

засветку на теплопеленгатор. Рефракция света в условиях полярной ночи. Показалось. — Воронцов, — Зимин подается вперед. От него несет дешевым одеколоном «Шипр», бессонницей и валидолом. — Я прикрываю твою задницу перед москвичами. Я пишу в предварительном отчете, что летчик первого класса совершил вынужденную посадку ввиду внезапного производственного брака. Взамен ты завтра в семь ноль-ноль идешь к психологу эскадрильи капитану Мезенцевой, сдаешь кровь на ферритин, магний и кортизол, и спишь восемь часов подряд. Без снотворного. Понял приказ? — Так точно. — Свободен. И приведи себя в порядок. Посмотри на себя в зеркало. У тебя руки трясутся так, будто ты медведя голыми руками душил, а потом пытался нитку в иглоку вставить. В коридоре штаба действительно холодно. Кондиционеры работают на реверс, пытаются бороться с жаром серверных стоек криптографической связи. Я прислоняюсь лбом к металлической переборке. Металл обжигает кожу приятным, отрезвляющим морозом. Руки лежат вдоль швов. Пальцы мелко вибрируют. Амплитуда — миллиметр. Частота — герц десять. Неврологический шторм. Организм все еще уверен, что мы находимся в свободном падении, и пытается компенсировать нехватку опоры мышечными сокращениями.

Вечером вызывает особист. Капитан госбезопасности Игнатов. Человек-функция. Кабинет

в конце коридора, без окон, стены обиты пробковым звукоизоляционным покрытием. Лампа дневного света под потолком гудит низким, раздражающим басом. Светит прямо в глаза, выедавая сетчатку. — Майор Воронцов, мы знаем про ваш диагноз, — начинает он без предисловий, постукивая дешевой пластиковой ручкой по ламинированному столу.

На

его бейдже нет имени, только штрихкод сотрудника администрации. — Какой именно?

—

уточняю я. Раз уж начали играть в открытую. — Искусственное сердце или аллергия на идиотов в погонах? Игнатов улыбается одними губами. Зубы у него мелкие, ровные, похожие на клавиши аккордеона. — Синдром выжившего. Обострение реактивного расстройства сна после инцидента с капитаном Орловым год назад. Вы тогда потеряли машину над тайгой в районе Братска. Катапультировались. Три дня ждали эвакуации при минус сорока. Ваш ведомый, старший лейтенант Сомов, погиб при пожаре на земле. Вы об этом помните? Воздух в кабинете становится густым, как кисель. Лампа гудит громче, переходя на ультразвук. Запах озона сменяется запахом жженой хвои и авиационного керосина. Мозг услужливо подменяет реальность. Вместо стен с пробкой я вижу черные

стволы сосен, освещенные фарами поискового Ми-8. — Помню всё, кроме пожара, — мой

голос звучит ровно. Горло пересохло. — Доктора говорят, мозг стер травмирующую часть визуального ряда. Защитная реакция высшей нервной деятельности. — Мозг вас бережет, майор, — кивает Игнатов. Он открывает лежащую перед ним пластиковую папку. Внутри — мои энцефалограммы, кривые скачут, как кардиограмма загнанного зайца. — А нас беречь некому. Завтра утром инспекция будет проводить стресс-тест личного состава. Компьютерный симулятор воздушного боя серии «Адвайзори». До полного истощения центральной нервной системы. Биометрия полная. ЭЭГ, пульс, тремор, расширение зрачков. Если датчики зафиксируют у вас потерю концентрации или паническую атаку длительностью более трех секунд — отстранение от полетов. Автоматически. Приказ командующего округом. Без права обжалования. Он придвигает ко мне бланк. Лист ознакомления. Синей шариковой ручкой уже вписаны моя фамилия и звание. — Рекомендую принять седативные препараты сегодня ночью. Феназепам у медика есть. Графики должны быть ровными, как взлетная полоса. Нам не нужны инциденты на Северном флоте, пока решается вопрос о поставках новой партии двигателей пятого поколения. Вопросы есть? Вопросов нет. Есть только понимание простой механики государственной машины. Система включила режим самосохранения. Ей не нужны герои.

Ей нужны винтики с предсказуемым коэффициентом трения. Меня либо сделают идеальным роботом, подогнав химией показатели нормы, либо выбросят на свалку, признав профнепригодным. Третьего не дано.

Я беру протянутую ручку. Колпачок снимается с сухим щелчком. Чернила в стержне дешевые, синие, оставляют ворсинки бумаги на кончике. Расписываюсь в графе «С приказом ознакомлен». Чернила кажутся черными, как мазут, пролитый на снег. Ночь я провожу в кубрике, лежа поверх одеяла. Сон не идет. Кровь гоняет феназепам по венам, тело тяжелое, свинцовое, но сознание ясное, острое, как осколок стекла. Потолок белый, в мелких трещинах крашеной штукатурки. Вместо трещин я вижу сетку прицела. Сон приходит под утро, короткий, рваный. Мне снится не падение. Мне снится тишина.

Абсолютная, давящая тишина стратосферы. И звук. Тихий-тихий скрежет. Металл трется о

металл внутри моей собственной грудной клетки. Там, где должно быть сердце, вращается

разбитый подшипник. Смазки нет. Осталось недолго.

Утро начинается с криков дежурного. Я встаю. Суставы хрустят. Во рту вкус пепла. Сегодня

меня будут проверять на прочность те, кто никогда не смотрел вниз сквозь удаляющуюся землю.

ГЛАВА 3

Сирена врывается в сон не звуком, а физическим давлением. Она выдавливает воздух из легких через плотно сжатые зубы и вибрирует прямо в черепной коробке, там, где всю ночь вращался воображаемый разбитый подшипник.

04:00 утра. Время «Ч». Самое подлое время суток для человеческого организма — фаза самого глубокого сна, когда температура тела падает до минимума, а кровь становится густой.

— Учебная тревога! Экипажам звена — готовность номер один! Форма одежды зимняя полевая! Голос дежурного по части ревет из динамика под потолком кубрика, перекрывая даже стихающий вой баззеров. Свет бьет по глазам люминесцентным ножом. Я сажусь на койке одним рывком. Мышцы спины простреливает болью — компрессионный перелом

L1-L2 напоминает о себе каждый раз, когда тело переходит из горизонтали в вертикаль быстрее нормы.

Казарма превращается в муравейник, который облили кипятком. Парни вскакивают, путаясь в кальсонах, матерятся, натягивают на себя слои зимней формы. Термобелье, флис, зимний костюм ВКК-3М. Ткань высотного компенсирующего костюма грубая, пахнет резиной, алюминием и чужим потом. Он висит в шкафу всегда надутым, как труп человека-паука. Натянуть его на горячее со сна, трясущееся от озноба тело — это отдельный вид мазохизма. Молнии идут туго, скрежещут. Пневмокамеры пока пусты, но сам вес плотной ткани уже давит на плечи свинцовой броней.

Я справляюсь первым. Привычка быть впереди вбита годами службы. Застегиваю клапан гермошлема на горле. Резина уплотнителя впивается в кадык. Делаю первый вдох через маску КП. Воздух сухой, химический, с привкусом озона и отработанной углекислоты.

Он

царапает горло изнутри.

Бежим к ангарам. Сорок метров по открытому пространству базы. Арктика встречает нас не просто холодом. Это плотная, осязаемая масса минус тридцати пяти градусов, которая мгновенно находит любую щель в одежде. Снег под рифлеными подошвами ботинок скрипит так громко, что заглушает собственное дыхание. Это звук перемалываемого стекла. Лицо начинает гореть сразу, словно его прижали к раскаленной сковородке, хотя кожа ледяная на ощупь. Ресницы смерзаются. Приходится идти почти вслепую, ориентируясь на красные габаритные огни тягачей возле капониров.

Темнота полярной ночи здесь абсолютна. Небо затянуто низкой облачностью, ни звезд, ни

луны. Мир ограничен конусом света от нашлемного фонаря и редкими прожекторами дежурного звена. Свет режет глаза, выжигая сетчатку после темноты кубрика. Спотыкаясь

о кабель заземления, брошенный кем-то поперек тропинки. Кто-то сзади хватается меня за шлейку спасательного жилета, не давая упасть лицом в сугроб. — Крылья береги, командир, — хрипит рядом Орлов. Его лицо закрыто маской, видны только глаза, покрасневшие от ветра. В глазах нет страха, только злая веселость загнанного зверя. —

Они тебе еще пригодятся сегодня днем, если эта бодяга затянется.

В кабине Су-57М тесно и привычно. Кресло принимает спину, обхватывает пневмокамерами бедра и живот, становясь жестким внешним скелетом. Запах кабины — мой личный сорт ладана. Нагретый пластик, авиационный керосин марки ТС-1, озон коронного разряда и едва уловимый сладковатый дух старой изоляции. Ритуал занимает сорок секунд. Щелчок карабина привязной системы. Тест кислородной системы — свист уходящего воздуха. Проверка герметизации фонаря. Пальцы двигаются сами, обходя сознание. Мозгу сейчас нельзя давать волю. Устав запрещает думать. Устав требует исполнять.

Запуск левого двигателя. Свист турбины нарастает постепенно, переходя в инфразвук, от которого крошится зубная эмаль и резонируют пломбы. Правый молчит — он списан в резерв до выяснения причин комиссией. Мы идем на одном моторе. Нарушение всех инструкций безопасности при учебной тревоге, но полковник Зимин отдал приказ лично: летать на том, что осталось. Людей мало, машин меньше.

— Я — Громовержец всем бортам, — говорю я в эфир, нажав тангенту на ручке управления двигателем. Голос искажается вокодером, звучит механически. — Работаем вводную «Перехват цели во взаимодействии с ПВО». Цель высокоскоростная, высотная. Выход в зону пуска через двенадцать минут. Радиомолчание полное до визуального контакта. Выруливаем на исполнительный старт. Огни ВПП утопают в молочной мгле

поземки. Здесь снег никогда не бывает белым — он серый от угольной пыли котельной, желтой взвеси дизельных выхлопов и отсветов работающих радаров дальнего обнаружения. Полоса блестит, как река дегтя.

Взлет. Перегрузка мягко, но настойчиво вдавливают в ложемент. Внутренности стремятся занять место головного мозга. Мир сужается до перекрестия на лобовом стекле и цифр высотомера, бегущих вверх с неприличной скоростью. Набираем эшелон. Двадцать тысяч метров. Небо здесь фиолетовое, почти черное даже днем. Солнце висит над горизонтом тусклым, плоским блином, неспособным согреть даже мертвого. На этой высоте физика работает иначе. Скорость звука ниже, сопротивление другое. Машина идет плавно, словно

парит в сиропе.

Идем боевым порядком «пеленг». Я ведущий, Серега слева-сзади, уступом. Наша пара — единый организм. Две тонны хрупкой человеческой плоти, запаянные в тридцать тонн титана, композитов и высокоточного оружия. На тактическом экране МФИ появляется отметка. Учебная цель. Имитация скоростного бомбардировщика условного противника. Скорость — Маха три. Высота — двадцать пять тысяч. Она выше нас. Всегда должна быть

выше, чтобы усложнить задачу перехватчикам.

— Ворон, захват подтверждаю, — голос Орлова в ушах абсолютно спокоен, дыхания не слышно совсем — у него включена подача чистого кислорода. — Даллас пошел вверх. Игрушка твоя. «Даллас» — это наша учебная ракета. Тепловой имитатор без боевой части.

Просто кусок железа, который должен доказать автоматике самолета, что мы умеем попадать. Мой палец тянется к боевой кнопке на РУС. Палец немеет. Кровь отлила от конечностей еще на рулении, оставив их бледными восковыми кулями.

И тут мир ломается. На стекле шлема вспыхивает предупреждение. «Облучение Хдиапазоном. Захват БРЛС противника». Иконка мигает ядовито-красным, пульсируя в такт моему сердцу, которое пропускает удар. Еще один. Третий. Это невозможно. Физически невозможно. Учебная цель — это просто кусок пенопласта с тепловым маячком, запущенный с Ту-95МС десять минут назад. У нее нет активного радара подсветки. Нет энергии, чтобы пробить нашу защиту. Но индикатор горит. Ярkokрасным. Прямо по курсу, чуть справа. Где-то в слепой зоне мертвой воронки сканирования наших собственных станций. Инстинкт древнее коры головного мозга.

Тело действует раньше, чем мысль успевает сформироваться в слова. —

Противоракетный маневр! — ору я в эфир, нарушая радиомолчание криком, который рвет

динамики. — Всем разворот! Ракета в воздухе! Отстрел ловушек! РУС вправо до металлического упора. Педаль в пол. Шестикратная положительная перегрузка размазывает лицо. Костюм противоперегрузочного давления (ППК) срабатывает с задержкой в долю секунды. Стальные пневматические шланги сжимают ноги стальным обручем, выдавливая кровь обратно в мозг, не давая сосудам лопнуть. Без этого маневра мои глаза вытекли бы из орбит. Самолет визжит. Конструкция стонет на ультразвуке. Металл устает вместе со мной.

Тень мелькает справа. Огромная, быстрая, заслоняющая жалкое северное солнце. Серая молния перечеркивает фиолетовый купол неба. Иллюзия? Мираж? След инверсии пролетевшего метеорологического зонда? Или они действительно подвесили настоящий истребитель на учебный вылет? Вывожу машину из виража. Пот заливал глаза внутри маски, смешиваясь со слюной. Датчики температуры кабины сходят с ума — от резкого перепада высот и напряжения электроника греется, включая аварийное охлаждение.

Ледяной воздух из вентиляции обжигает колени сквозь ткань ВКК.

— Ворон, какого хрена?! — врывается в наушники голос руководителя полетов полковника

Зими́на. Он сидит на вышке КДП, пьет чай и видит наши метки чистыми точками на зеленом экране. Для него это цифры. Для меня — попытка выжить. — Ты сорвал контрольную точку! Даллас ушел впустую! Расход БК (*боекомплекта*) зафиксировать! — Была активная работа радара, — пытаюсь отдышаться. Горло саднит от крика, легкие

жжет кислородом. — Засветка X-диапазона. Прямой контакт захвата. Цель применила средства

РЭБ или имела скрытое вооружение. — Ворон, там пусто, — вступает Орлов. Его дыхание

слегка сбито, но голос тверд, как алмаз. — Я смотрел по дуге плюс-минус тридцать километров. Небо чистое, как слеза младенца. У тебя фантом, командир. Электроника сбоит. Усталость металла сказывается.

Пустой экран. Только помехи от магнитной бури, похожие на мелкий черный дождь.

Никаких целей. Никаких ракет. Только протокол системы объективного контроля, который

записал мою панику. Мой несанкционированный выход в эфир. Мой расход пиропатронов отстрела ИК-ловушек. Только дрожь в коленях, которую невозможно остановить даже напряжением мышц. И четкое, физически осязаемое чувство чужого взгляда между лопаток.словно кто-то огромный, невидимый навис сверху и рассматривал меня через оптический прицел снайперской винтовки, выбирая момент

для

спуска курка.

Глава 4

Контакт случается на третьи сутки дежурства. Не учебный. Настоящий. Мы ведем свободный поиск над нейтральными водами Баренцева моря. Задание скучное до зубовного скрежета, отупляющее своей предсказуемостью — обозначить присутствие. Показать звездно-полосатым парням с авианосца «Гарри Трумэн», что их хваленые «Посейдоны» здесь ходят исключительно с нашего молчаливого дозволения и под прицелом береговых комплексов. Это называется дипломатией канонерок, только вместо пушек у нас планеры стоимостью в годовой бюджет небольшой африканской страны. Цель появляется внезапно, вываливаясь из слепой зоны за северным магнитным возмущением. Старенький, но юркий RC-135W Rivet Joint. Американский электронный воробей, обвешанный антеннами, как новогодняя елка игрушками. Он крадется вдоль самой кромки наших территориальных вод, хищно поводя носом. Его задача — высасывать эфир пылесосом своих антенных полей. Слушать наши переговоры флота, сканировать частоты радаров ПВО, снимать профиль электромагнитного излучения нашей базы. — Ворон, наблюдаю гостя по левому борту, — докладывает Серега. Голос в наушниках сухой, лишенный эмоций. Профессиональная деформация — мы давно разучились удивляться смерти или шпионам. — Курс ноль девяносто. Держит дистанцию семь километров. Пытается зайти нам в заднюю полусферу. — Принял. Заходим аккуратно. Параллельным курсом. Не пугать птичку, пусть кушает. Сегодня у него пост-

ный

день.

Мы берем его в классические клещи. Слева-справа, чуть выше. Классика жанра воздушного хулиганства. Демонстрация флага без открытия бомболовков. Мы показываем

им, что видим их грязные уши. Подходим ближе. Я вижу его в визуальном канале оптико-локационной станции (ОЛС). Серая туша, грязно-белая окраска снизу для маскировки на фоне облаков. Из фюзеляжа, словно гнойники, выпирают массивные обтекатели аппаратуры SIGINT (*радиоэлектронной разведки*). Он знает, что мы здесь. Знает наш позывной, знает марку сигарет, которые курит техник Вася в нашей каптерке, знает даже то, что я не спал прошлую ночь. Он слушает всё. И ему это нравится. — Ворон, у него открылась левая створка нижнего отсека, — сообщает Орлов. В его голосе впервые проскальзывает напряжение. Стальная струна начинает звенеть. — Наблюдаю излучение направленного типа. Нас сканируют узким лучом. По остеклению фонаря моей машины пробегает едва заметная рябь интерференции.

Волосы на руках встают дыбом не от холода — от статики. Мощнейший электромагнитный

импульс бьет по корпусу. Они прощупывают покрытие нашего планера. Ищут микротрещины в стелс-напылении. Оценивают эффективную площадь рассеяния (ЭПР), чтобы внести поправки в свои таблицы стрельбы. Мы для них сейчас не истребители, а мишени на штативе. — Продолжать полет, — команду я. Мой голос звучит ровно, хотя внутри все сжимается в ледяной ком. — Держать строй. Закрыть радиосвязь на шифрование второго уровня. Пусть думает, что оглохли. Расстояние сокращается. Пять километров. Внутри этой дистанции любая ошибка пилота может быть расценена как акт агрессии согласно международным протоколам безопасности. Случайный кивок крылом — международный инцидент.

Резкое изменение вектора тяги — казус белли.

RC-135 плавно доворачивает на нас. Нос огромной машины медленно, неотвратно наползает на мой истребитель. Психологическая атака лоб в лоб. Игра в «кто первый моргнет». Кто отвернет первым — тот слабак. Тот признает границы чужого влияния. — Командир, он прет в лоб, расстояние критическое, четыреста метров! — голос Орлова звенит от напряжения. Он готов броситься вперед, таранить этого наглеца своим брюхом, лишь бы защитить ведущего. Хороший мальчик. Слишком хороший для неба. Я вижу лицо оператора разведчика в боковом блистере кабины. Круглое, бледное, освещенное зеленоватым светом мониторов. Он улыбается во все тридцать два зуба и показывает мне большой палец через толстое стекло. Наглый сукин сын. Ему весело. Для него это офис-

ная

рутина с элементами карнавала. — Внимание, — говорю я спокойно, чувствуя, как немеют

пальцы на ручке управления. — На счет «три» делаем плавный отворот вправо, сохраняя угол атаки. Не дергаться. Один... Два... В этот момент приборная панель гаснет.

Полностью. Мгновенно. Без предупреждения. На долю секунды. Оба многофункциональных индикатора (МФИ) становятся черными зеркалами.

Коллиматорный индикатор на фоне лобового стекла тухнет. Исчезает сетка прицела.

Гаснут зеленые цифры навигационного комплекса. Пропадает шипение эфира в наушниках. Абсолютная темнота и мертвая тишина в кабине. Остается только гул мото-

ров

— автономная механическая симфония — и собственное сердцебиение, которое вдруг становится оглушительным, как бой шаманского барабана прямо в височную кость.

Затем

системы оживают. Загрузка программного обеспечения занимает четыре секунды. Самые длинные четыре секунды в моей жизни. Четыре удара сердца, когда ты летишь вслепую на скорости девятьсот километров в час навстречу стальной горе. Когда изображение возвращается, мир выглядит иначе. Цвета кажутся более яркими, контрастными. Радар

чист. Но американец находится в двухстах метрах. Прямо по курсу. Дистанция кинжального боя. Он дал форсаж в ту самую секунду, когда моя электроника ослепла, и сократил дистанцию, пользуясь моей слепотой. Теперь он висит надо мной, закрывая жалкое полярное солнце своей огромной тушей. Тень от крыла перечеркивает кабину. Температура в кокпите падает на пять градусов мгновенно — заслонка солнца перекрыта.

— Ах ты пададь портовая, — шепчу я одними губами. Воздуха в маске не хватает, легкие горят. Адреналин вымывает остатки страха и остаточное действие феназепама. Кровь вскипает. Остается только холодная, кристаллизованная ярость человека, которого попытались убить исподтишка. Легким движением кисти я заваливаю машину на левый борт, демонстрируя ему свое незащищенное брюхо и подвешенные ракеты ближнего боя Р-73М. Затем резко ухожу вниз, проваливаясь под его килевую балку. Маневр «боевой разворот со скольжением». Он опасен. На такой высоте и скорости разница давлений может просто сложить крылья гармошкой, если ошибиться с углом атаки хотя бы на градус. Но эффект достигнут. Оператор в боковом окне больше не улыбается. Лицо его вытягивается, он исчезает из виду, прижимаясь к своему креслу. Массивные створки аппаратного отсека внизу начинают медленно, со скрипом гидравлики закрываться. Шпион понял, что игра окончена. Его обложили. — Уходит курсом двести десять, набирает

скорость, — констатирует Серега. Его дыхание наконец выравнивается, но в голосе слышится плохо сдерживаемый рык хищника, защищающего территорию. — Получил по зубам. Понял, кто в доме хозяин. — Домой, — приказываю я. Горло пересохло настолько, что слова царапают связки наждаком. — Топливо на нуле. Правый движок греется, идем на честном слове.

Мы возвращаемся на базу в молчании. Эфир пуст, только фоновый треск помех. Руки на РУС больше не дрожат. Их свело судорогой постоянного напряжения, пальцы намертво впились в обрезиненную рукоятку. Когда шасси касаются бетона полосы Кильдина, я понимаю, что прокусил внутреннюю сторону щеки до крови. Во рту соленый металлический привкус железа. Губы разбиты в кровь. Война никогда не начинается с объявления по радио. Она начинается с того момента, когда твой компьютер гаснет на четыре секунды посреди океана, а чужой пилот смеется тебе в лицо, зная, что твоя жизнь зависит от сбоя в микросхеме размером с ноготь.

Заруливаем на стоянку. Турбины затихают с долгим выдохом стравливаемого воздуха. Фонарь отъезжает назад. Ледяной воздух Арктики врывается в кабину, пахнущий озоном и свободой. Но свободы нет. Есть только чувство, что тебя только что пропустили через рентгеновский аппарат, просветили насквозь и остались недовольны увиденным. К кабине

бежит группа встречающих. Впереди всех — полковник Зимин. Шапка съехала набок, шинель расстегнута, несмотря на мороз. Он смотрит на меня так, будто я лично привел вражеский флот в Кольский залив. — Какого дьявола там произошло? — орет он, пытаясь

перекричать ветер. — Мне звонят с ЦКП ВМФ! Говорят, у вас была потеря связи и маневр

уклонения в пятистах метрах от борта НАТО! Вы хотели спровоцировать Третью мировую?!

— Отказ всей авионики на четыре секунды, товарищ полковник, — докладываю я, отстегивая ремни. Ноги не держат, приходится опираться на край кабины. — Внешнее воздействие. Предположительно — постановщик помех высокой мощности. Или новое оружие. Меня вели лазером. — Какой лазер?! — Зимин багровеет. — Ты понимаешь, что

пишешь? Лазерное поражение — это статья трибунала! Нам нужен был отказ подшипника! Простой, понятный заводской брак! А ты мне тут войну предлагаешь! — Посмотрите запись объективного контроля, — я протягиваю ему извлеченный блок памяти. Черный кирпичик. — Там всё есть. И захват радара X-диапазона перед отключением систем. И координаты источника. Если мои глаза меня не обманули, источник находился на палубе их эсминца сопровождения. Зимин берет чип. Его руки дрожат. Старый волк понимает масштаб катастрофы. Одно дело — списать упавший самолет на плохие детали. Совсем другое — признать, что противник владеет технологией

полного подавления электроники пятого поколения. Это значит, что вся наша новая армада железных птиц — дорогие гробы, которые американцы могут выключить нажатием одной кнопки. — В штаб. Живо, — говорит он севшим голосом. — Оба. Будем писать докладную министру обороны. Кажется, мы только что нашли причину, почему они

так настаивали на проверке именно этих двигателей.

Мы идем к штабу мимо замерших туш самолетов. Солнце садится, окрашивая снег в цвет застывающей крови. Война уже здесь. Мы просто долго отказывались смотреть ей в глаза.

Глава 5

Воздух в кабине пахнет грозой и смертью. Это специфический запах озона, который возникает при коронных разрядах на антеннах, смешанный с удушливой вонью горелого полимера и горячего авиационного масла.

Мы возвращаемся домой после инцидента над морем. Идти приходится низко — всего тысяча пятьсот метров. Выше забираться нельзя: правый двигатель дышит на ладан, температура подшипника ползет к критической отметке красным столбиком, а левый работает на максимальном форсаже, вытягивая нашу связку из двух тонн мертвого железа

и одной тонны человеческого отчаяния вверх. Самолет идет со снижением. Потеря высоты

составляет метр в секунду. Постоянно. Неумолимо. Математика плена.

— Громовержец, я Ворон, — говорю я в эфир. Голос звучит спокойно, почти отстраненно.

Так говорят врачи перед ампутацией. — У меня прогрессирующий рост вибрации правого

двигателя. Температура вала восемьсот градусов и растет. Идет разрушение сепаратора. До точки базы сорок километров. Прошу расчет аварийной полосы. — Ворон, полоса Кильдина свободна, ветер боковой десять метров, порывы до пятнадцати, — голос полковника Зимина лишен всяких эмоций. Он стал роботом, выполняющим протокол эвакуации поврежденной единицы. — Заход курсом двести сорок. Давление семь шестьдесят. Твоя вертикальная — минус два метра в секунду. Ты не дотянешь до центрального аэродрома, Максим. Сядь здесь. Я высылаю пожарных. — Понял, полосу вижу, — отвечаю я. Я лгу. Полосы я не вижу. Она скрыта за низкой грядой серых облаков, которые цепляются брюхом за верхушки сопки. Видимость — меньше километра. Мокрый снег залепляет стекло фонаря, превращая мир за бортом в размазанную акварель.

Работает только тепловизор, рисующий контуры земли зеленоватыми призраками.

Слева от меня, чуть сзади, держится Серега Орлов. Его машина идеальна. Движки поют ровную песню мощи. Он мог бы уйти вперед, вернуться на базу, выпить чаю. Но он висит рядом. Закрывает мою правую полусферу своим фюзеляжем. Если сейчас что-то пойдет не

так и мой самолет превратится в огненный шар, «Орёл» будет первым, кто нырнет в этот

шар, чтобы попытаться вытащить катапультное кресло из пламени. Хороший, глупый материал. Система выпьет его следующим. — Командир, давай бахнем? — предлагает он по закрытой связи. В его голосе дрожит нервный смех. — Отстрелим ему башку. Пиропатроном. Чтобы не мучился. — Отставить, — отрезаю я. — Следи за воздухом.

Если

появится хоть одна чайка — бей на поражение.

Десять километров до полосы. Высота девятьсот метров. Земля начинает проступать сквозь туман темными пятнами мокрых скал. Скорость триста пятьдесят. Мы идем слишком быстро для захода на короткую полосу «подскока», но гасить скорость нельзя — подъемная сила крыла упадет, и мы просто шлепнемся в камни. Приходится играть на грани. Восьмой километр. Шестьсот метров высоты. Правый двигатель издает звук, который невозможно спутать ни с чем. Высокочастотный визг рвущегося металла, переходящий в глухой удар, от которого многотонный планер вздрагивает всем корпусом.

Лампочка пожара вспыхивает ядовито-красным, заполняя кабину тревожным светом.

Масло попало на раскаленную турбину. — Загорание второго контура! — кричу я. —

Огнегасящий состав первого баллона — пуск! Кнопка под пальцем проваливается с сухим

щелчком. Где-то в недрах мотогондолы взрывается капсула с фреоном. Визг турбины мгновенно стихает, сменяясь тяжелым свистом ветра в сорванном кожухе. Из правого воздухозаборника валит густой черный дым, похожий на выхлоп старого паровоза.

Двигатель умер. Но теперь он мертвым грузом висит на крыле, создавая колоссальное аэродинамическое сопротивление. Машину тянет вправо, как пьяного матроса. Мне приходится давать левую педаль в упор и компенсировать крен ручкой управления, перенося всю нагрузку на левое плечо.

Пять километров. Четыреста метров. Облака расступаются внезапно, словно разорвали грязную простыню. Впереди бетонная река Кильдина. Короткая, издевательски короткая полоска бетона, обрывающаяся прямо в черную воду. Торцы полосы обозначены синими химическими огнями, которые пляшут в тумане, как болотные духи. Выпускаю шасси. Гидравлика воем натужно, сопротивляясь встречному потоку воздуха. Носовые стойки выходят с третьей попытки, сопровождаемые громким ударом замков. Закрылки ползут вниз со скоростью умирающей черепахи. Электроника экономит энергию — генератор левого двигателя перегружен. — Штурвал на себя, Максим Сергеевич, — говорит полковник Зимин по ближней связи. Он сидит там, внизу, в теплой будке КДП, пьет остывший кофе и видит нас лишь точкой на радаре. Но в его голосе нет высокомерия диспетчера. Только животный страх. — Аккуратно. Касание на триста пятидесяти. И тормозите головой, движки вам сейчас не помощники. Справа от оси не уходить, там ледяные торосы.

Триста двадцать километров в час. Земля несется навстречу. Серая сталь воды сменяется серыми плитами бетона, покрытыми слоем мокрой слизи и льда. Скорость падает мучительно медленно. Левый двигатель ревет на пределе возможностей, пытаюсь удержать тяжелую машину в воздухе. Боковой ветер бьет в левый борт, пытаюсь развернуть меня поперек полосы. Скользко. Машина на одном колесе ведет себя непредсказуемо. Я работаю ногами, гася скольжение микродвижениями. Педали тяжелые, словно залиты свинцом. Коленные чашечки хрустят от напряжения. Двести восемьдесят. Двести пятьдесят. Удар. Жесткий, выбивающий пробой и перехватываю-

щий

дыхание. Передняя стойка принимает на себя двадцать тонн инертной массы. Меня бросает вперед, привязные ремни врезаются в плечи так глубоко, что кажется — они достают до костей. Тормоза. ПИКАНЬЕ системы предупреждения о блокировке колес

сливается с гулом в ушах. Выпускать тормозной парашют нельзя категорически — порыв бокового ветра просто дернет многотонную машину юзом, развернет и швырнет на мачты освещения или сбросит с обрыва в море. Только аэродинамическое торможение. РУС полностью на себя, закрылки создают максимальную подушку сопротивления. Самолет ревет раненым зверем, скрипит шинами по мокрому бетону, замедляясь. Огни конца полосы летят на нас слишком быстро. Двадцать метров. Десять. Пять. Мы останавливаемся в десяти метрах от торцевой сетки аэрофинишера. Нос самолета нависает над самой кромкой обрыва. Еще один метр стали, еще секунда задержки — и Баренцево море приняло бы нас в свои холодные объятия навсегда.

Тишина. Только шипение остывающего титана где-то справа и мое собственное дыхание, похожее на работу неисправного компрессора. Лоб под шлемом залит потом. Он горячий, щиплет глаза. Руки лежат на коленях. Они больше не дрожат. Их просто нет. Ниже локтей — ватные, чужие протезы. — Ворон на земле, — хриплю я в тангенту. — Целы. Борт... борт

недвижим. — Принял, Ворон, — голос Зимина теплеет ровно на градус, становясь человеческим. — Сидите в кабине. Сейчас откроют фонарь. Медики уже бегут. Орлу отбой

круга, разрешаю посадку.

Ручка сдвижения фонаря не поддается с первого раза. Пальцы не слушаются, соскальзывая с рифленого пластика. Наконец, гидравлика с жалобным вздохом стравливаемого давления отбрасывает колпак назад. В кабину врывается ледяной воздух Арктики. Он пахнет йодом, озоном и свободой. Той самой свободой, которая едва не убила меня полчаса назад. Ко мне бежит техник, размахивая желтыми сигнальными рукавицами. Следом, тяжело бухая берцами по лужам, спешит группа поиска и спасения (ПСС). Но я смотрю не на них. Я смотрю вверх. На приборную панель. Красная лампа пожара давно погасла, сработала автоматика. Но датчик температуры подшипника зашкаливал даже после смерти мотора. Стрелка намертво вплавилась в красную зону. Там, на высоте четырехсот метров, было тихо. Там всё решала математика и реакция мышц. А здесь, на бетоне, начинается человеческая грязь. Разбор полетов.

Объяснительные. Вопросы особиста Игнатова: *«Максим Сергеевич, почему скрыли дефект при предполетном осмотре? Почему приняли решение на вылет с заведомо неисправной машиной?»* Они думают, дело в самолете. Они всегда думают, что дело в железе. Им проще признать брак подшипника, чем осознать, что их выключили лазером с борта эсминца США. Но правый двигатель сгорел не от старости. Его подожгли мои воспоминания. Как только мы снизились и запах моря стал резче, мозг услужливо подsunул картинку: дым из левого сопла самолета Орла год назад. Тогда я тоже думал, что это техника. Пока не увидел вспышку взрыва. Мой организм решил сэкономить ресурс сердца и начал отключать периферию заранее. Сегодня он был прав.

— Командир, руку давай, — техник тянет ко мне свою огромную варежку. Лицо парня бледное, губы трясутся. — Замерзнете же. Вода ледяная, заберетесь в кунг скорее. Я отталкиваю его. Отстегиваю кислородную маску. Резина липнет к влажной коже лица, оставляя красные следы. Воздух обжигает легкие холодом. — Где Орлов? — спрашиваю я, глядя мимо него в сторону командно-диспетчерского пункта. Мне нужно увидеть его целый. Живой. Иначе сегодняшний день не имеет смысла. Техник мнется. Смотрит на свои

ботинки, переминаясь с ноги на ногу. — Так он... Сергей Дмитрич еще в воздухе был, товарищ майор. Вас вел контроль посадки. Ему команду дали сразу уходить на Мурманск-140, топливо-то после ваших маневров на лампочках... Значит, Серега все еще там. Круги нарезает. Охраняет пустое небо надо мной, потому что приказа возвращаться на базу у

него нет. Дисциплина превыше усталости. Хороший, глупый, идеальный материал. Система выпьет его досуха точно так же, как сейчас пыталась выпить меня. Я вылезаю из кабины на крыло. Ноги подкашиваются. Суставы отказываются держать вес. Двадцать тонн жизни остались позади, прикованные к полосе, а мои собственные семьдесят килограммов кажутся непосильной ношей. Спина стреляет огнем. Титановая конструкция внутри позвоночника напоминает о себе каждым шагом. Кто-то набрасывает

ваает

мне на плечи тяжелое термоодеяло. Оно пахнет казармой, нестиранным бельем и дешевым хозяйственным мылом. Обычный человеческий запах. Запах земли. Я стою посреди взлетной полосы самого края земли, прижимая к груди кусок синтетики, и впервые за долгое время понимаю одну простую вещь: я ненавижу возвращаться. Возвращаться туда, где тебя никто не ждет, кроме комиссии по расследованию авиапроисшествий.

Глава 6

Гарнизонный поселок «Северный-7» выглядит как декорация к фильму о конце света, снятому в девяностые. Панельные пятиэтажки цвета застарелой гематомы, выбитые кое-где окна, заткнутые подушками и листами фанеры. Между домами гуляет поземка, перекатывая пустые консервные банки и обрывки газет. Единственный признак жизни —

тусклый свет желтых фонарей на столбах да сизый дым из труб котельной, который стелется по земле вместо облаков. Здесь даже снег кажется уставшим.

Медики ПСС все же загнали меня в санчасть сразу после посадки. Стандартная процедура: кардиограмма, давление, укол витаминов группы Б, от которых язык становится ватным.

Врач — капитан медицинской службы с лицом человека, давно потерявшего веру в здоровый сон, — долго слушал мои легкие стетоскопом. — Хрипы жестковаты, майор, — констатировал он, протирая мембрану спиртом. — Бронхит курильщика плюс переохлаждение. Плюс классическая психосоматика. Сердце молотит сто двадцать ударов, хотя должно спать. Вы адреналин сегодня сожгли больше, чем калорий за неделю. — Выпишите мне справку для трибунала, товарищ капитан, — попросил я. — О том, что был невменяем при принятии решения на вылет. Мне она понадобится через час. Он только хмыкнул, выписывая освобождение от полетов на трое суток. Срок, которого не хватит даже на то, чтобы лед вокруг базы стал достаточно крепким для ходьбы.

Дом офицеров встречает запахом хлорки и жареной капусты. Лифт не работает уже лет десять — экономят электричество. Я поднимаюсь на четвертый этаж пешком. Каждый шаг

и

отдается тупым ударом в поясницу. Титановая конструкция внутри позвоночника остыла

и

теперь вибрирует на каждом шагу, напоминая плохо закрепленную деталь в двигателе. Дверь квартиры четыреста два. Старая дерматиновая обивка вытерта до белизны на уровне ручки. Звонок не работает. Стучу костяшкой пальца — коротко, сухо. Три удара. Наш старый код. Шаги за дверью шаркающие, медленные. Так ходят люди, которые разучились спешить. Щелкает замок. Она стоит на пороге. Анна. За три года она почти не изменилась — те же темные волосы, собранные в небрежный пучок, та же привычка кутаться в огромный вязаный кардаган кофейного цвета. Изменились только глаза. Раньше они были чайными, теплыми. Теперь это просто куски замерзшей болотной воды. Она смотрит на меня так, будто я — мебель, которую случайно занесли не в ту комнату при переезде. — Ты забыл ключи, — говорит она вместо приветствия. Голос ровный, без вопросительной интонации. — Меня сбили над морем, пришлось садиться на одном моторе, — отвечаю я, перешагивая порог. Тяжелые зимние ботинки оставляют комья серого снега на линолеуме. — Ключи остались в кармане ВКК. Не хотел пачкать твой

коврик авиационным маслом. Она молчит. Закрывает дверь. Прислоняется к ней спиной, скрещивая руки на груди. Кардиган пахнет домом — корицей, старыми книгами и пылью. Запах, который сейчас кажется чужеродным, как запах цветов на похоронах. В коридоре темно. Экономия. Только полоска света бьет из-под двери кухни. — Сын спит? — спрашиваю я, вешая куртку на крючок. Крючок едва держится на одном шурупе. Нужно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.